

В. БРЮСОВ И Б. ПАСТЕРНАК: ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

Г. Е. ОРДУХАНИН

История отношений В. Брюсова и Б. Пастернака рассматривалась подробно в двух известных работах К. Паханяни¹ и Е. Пастернак². Отношения Пастернака и Брюсова были сложными и неоднозначными: в них находилось место и для неистового ученичества, и для суровой критики, и для высокого уважения, и для простого человеческого обожания, и для деловых контактов.

На протяжении всей своей творческой жизни Пастернак не переставал проявлять пристальный интерес к творчеству старшего поэта— Валерия Брюсова. Об этом свидетельствуют и обязательные отсылки книг на оценку Брюсову (начиная с 1914 г., со сб. «Близнец в тучах»); и переписка; и частые упоминания имени Брюсова в автобиографических очерках, письмах; и издательские отношения 1922—23 гг. в связи с участием в Антологии современных русских писателей, которую Брюсов готовил для издательства Гржебина; и юбилейное стихотворение Брюсову 1923 года; и яркое выступление на юбилее Брюсова; и, наконец, штудирование сборника стихов В. Я. Брюсова в 1946 году.

Е. Пастернак в своей публикации «Пастернак и Брюсов. К истории отношений» приводит заметки Б. Пастернака, сделанные им на страницах сборника «Избранных стихотворений» Валерия Брюсова, изданного Гослитиздатом в 1945 г. и составленного Иоанной Брюсовой. Пастернак разметил первые разделы книги. Именно эти заметки Б. Пастернака представляются окончательной оценкой отношений зрелого Пастернака к брюсовскому творчеству, а также ставят перед нами задачу ответить на вопрос: отчего в 1946 году Борису Леонидовичу Пастернаку так важно было уяснить для себя этическую и художественную ценность поэзии Брюсова, определить его место на поэтическом Парнасе.

Прежде чем перейти к анализу брюсовских штудий Б. Пастернака, следует сказать несколько слов о характере их творческих отношений в целом. Оглядываясь на первое десятилетие своей профессиональной деятельности, Пастернак писал Брюсову: «Вероятно, эта моя признательность глубже хорошей учтивости и, по-видимому, поток этой благодарности, всплывающей при всякой моей мысли о Вас, направлен столько же к Валерию Яковлевичу, сколько к Брюсову, к поэтической силе высокой (по размеру и степени) заразительности, к родной, и вместе с тем,—старшей стихии, которая сначала—помощью заочной заразительности сложила тебя и как бы вызвала к существованию,— затем тебя заметила и тебя назвала—и наконец,—(как кажется многим)—в деле рук своих и в своем предвидении оказалась правой». (239—240).

¹ К. А. Паханяни. В. Брюсов и Б. Пастернак.— Брюсовские чтения 1973 года.— Ереван, 1976.

² Е. Пастернак. Пастернак и Брюсов. К истории отношений.— Россия. «Russia»—Torino, 1977, т. 3. Ссылки на это издание в дальнейшем будут даваться в тексте с указанием страниц.

Высказанные здесь положения удивительно точно характеризуют роль Брюсова в литературном становлении Пастернака.

Осознав литературу как свое будущее поприще, летом 1912 года Пастернак берется за штудирование поэтического опыта старшего поколения и в качестве первых руководств просит прислать в Марбург наиболее полные сборники Брюсова «Пути и перепутья» или «Все напевы»³ А. Белого.

Брюсов в свою очередь следит за развитием Бориса Пастернака, называя его одним из самых интересных и значительных поэтов современности, приветствуя каждый выход его новой книги, указывая то «глубокое влияние», которое его творчество оказывает «на всю нашу молодую поэзию»⁴.

Первый отзыв на стихи Б. Пастернака, написанный Брюсовым, относится к 1914 г. В шестой книге «Русской мысли» он выделил Пастернака как явление «наиболее самобытное»; «... его странные и порой нелепые образы,— писал В. Брюсов,— не кажутся надуманными: поэт в самом деле чувствовал и видел так; «футуристичность» стихов Б. Пастернака — не подчинение теории, а своеобразный склад души. Вот почему стихи Б. Пастернака приходится не столько оспаривать, сколько принимать или отвергать»⁵.

Б. Пастернак в письме родителям указывал, что этой рецензией он недоволен: несмотря на то, что Брюсов отметил как решающее качество самобытность Пастернака, Борис Леонидович писал, что у него осталось «впечатление порицания или осуждения посредственности» (240), при этом «вполне справедливого». «Как хорошо,— писал он в этом письме,— что Брюсов не знает, что первая моя книга не только первый печатный шаг, но и первый шаг вообще. Остальные начинали детьми; так как я начинал в музыке; остальные знают классиков с детства, потому что именно из увлеченных читателей и почитателей стали они писателями. Меня же привело к этому то свойство мое, которое как это ни странно — ни от кого не ускользает, и которое Брюсов называет самобытностью, фантазией, воображением, своеобразным складом души» (241).

В. Я. Брюсов часто обращался к поэзии Пастернака в теоретических работах, отмечал его решающее значение в создании новой рифмы («О рифме», «Левизна Пушкина в рифмах» и др.), пропагандировал стихи Б. Пастернака не только в прессе, но и в личных беседах, писал стихи в подражание Б. Пастернаку⁶.

Отношение Пастернака к Брюсову на протяжении жизни изменилось от высокого диетета до весьма критического отношения в зрелую пору. Почему в 1946 году поэзия Брюсова вызывает такой пристальный интерес со стороны Пастернака, потребность сделать для себя окончательные выводы о его месте в литературном процессе? Вопрос этот не случаен, так как несмотря на безусловную чужеродность для Пастернака брюсовской творческой стихии, размышления о Брюсове дают ключ к решению темы поэта: официального поэта-деятеля, или свидетеля, созерцателя, попутчика; к теме «Высокой болезни», «вакансии поэта», ко «второму рождению». Решение этих первостепенной важности вопросов непосредственно связано с образом В. Я. Брюсова: в его судьбе, в связях и разрывах с брюсовским типом творца видится выбор и собственной линии поведения Б. Пастернака.

Образ лирического героя раннего Пастернака — образ свидетеля — это ключевое слово во многих его стихах о творчестве, от «Марбурга» до «Плачущего сада». Вторым ключевым словом стало слово — разрыв — поверх барьеров: разрыв с музыкой, разрыв с философией, разрыв с

³ См. публикацию Е. Пастернак. с. 240.

⁴ См. «Печать и революция». 1921. № 3. с. 270.

⁵ В. Я. Брюсов. Год русской поэзии — «Русская мысль», 1914. № 6. с. 17.

⁶ См. К. Пахавиц. Брюсов и Пастернак. с. 287.

Германией, с «Центрифугой», с ЛЕФом, который утверждает место поэта в рабочем строю, призвание поэта быть не свидетелем, а деятелем, не созерцателем, а участником. Пастернаковский разрыв с ЛЕФом означал, что поэт переходит в молчаливую оппозицию всем господствующим течениям — как литературным, так и идеологическим. По времени он совпадает с юбилеем Брюсова, и в юбилейном стихотворении Б. Пастернак дает поэтическое решение темы превратностей судьбы «официального» поэта, особо приближенного к власти, своеобразного «министра от литературы».

Что мне сказать? Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?
Что ум черствеет в царстве дурака?
Что не безделка — улыбаться, мучась?

Эту «широко разбежавшуюся участь» Б. Пастернак в 1923 году для себя отвергает. В это время он пишет Брюсову письмо, где говорит о своем «новом мастерстве», о том, что он, кажется на верном пути и что на нем нельзя останавливаться», о причинах того, почему он «воздерживается от откликов на общественные темы». В заключении говорит: «Не разочаровывайтесь во мне, как части Вашего собственного дела, если (по некоторым соображениям) внешняя судьба теперь изменит меня» (249).

Но после 1926 года (отмеченного смертью Рильке и окончанием романа в письмах с Рильке и Цветаевой), Б. Пастернак резко меняет вектор творчества — эпические поэмы «905 год», «Лейтенант Шмидт», автобиографическая повесть «Охранная грамота» и, наконец, сборник стихов «Второе рождение».

В «Охранной грамоте», в той ее части, которая главным образом посвящена Маяковскому, Б. Пастернак напишет: «Так это второе рождение? Так это смерть?» Так все-таки смерть или второе рождение? Пастернак выбирает последнее.

В стихотворении 1931 года, посвященного Борису Пильняку, он скажет:

...Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.⁷

В 30-е годы положение Б. Пастернака изменилось, на I съезде писателей он был назван Бухариным первым из ныне живущих поэтов, он занимает очень деятельную позицию: сотрудничает в газете «Известия» (!), пишет письма в защиту Н. Пунина, Л. Гумилева, О. Мандельштама, совершает творческие поездки в Грузию, участвует в Международном конгрессе в защиту культуры в Париже. Он занял «вакансию поэта», его тоже коснулась «широко разбежавшаяся участь» Брюсова, хотя неоднократно сам объяснял — «дело кончится поражением»⁸.

Для Б. Пастернака поэтическое призвание трагично по определению: «искусство называлось трагедией, так и следует ему называться»⁹. Если же художник покидает «бедственное место» и становится в общий строй, он **облегчает** свою нравственную участь, отрекается от трагедии, изменяет призванию. Сгустком этих раздумий стал роман «Доктор Живаго». Здесь предельного накала достигает пастернаков-

⁷ «Она спасена, когда не пустует, когда не занята» — поясняет он в авторском списке, подаренном Крученых. См. Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы в 2-х т., т. I, 1990, с. 475.

⁸ Борис Пастернак. Охранная грамота. Собр. соч. в 5-ти т., т. 4, М., 1991, с. 234.

⁹ Там же, с. 179.

ская философия «заложничества» культуры у времени, неуместности и — одновременно — неустрашимости «вакансии поэта» в реальной истории.

Внутренняя раздвоенность усиливалась **противоположностью** выбора Ахматовой, Мандельштама, Пильняка. У него были две возможности выхода из тупика: или повторение судьбы Маяковского, или окончательный уход в тень.

В 1936 году Сталин перечеркнул вывод Бухарина, сказав, что лучшим поэтом нашей советской эпохи был, есть и будет Вл. Маяковский, тем самым исключил Пастернака из официальной литературной иерархии. Вакансия больше не была опасна, она была пуста.

Новый разрыв, новое решение, новый поворот судьбы, творчества. Начинается подспудная работа над романом («Записки Живульта», 1938 г., пьеса «Это свет»). Тысяча девятьсот сорок пятый год Б. Пастернак рассматривает как нечто большее, чем просто вступление в новый период творчества: «Я давно... томился благополучно продолжающимся положением стихотворчества... хотелось положить разительный конец, чего-то сразу сокрушающего привычные для тебя мерил, как, например, самоубийства в жизни других или политические судебные приговоры, — ...обязательно, чтобы это круто и крупно отменило все нажитые навыки и начинало собою новое, леденящее и бесповоротно...»¹⁰.

«Доктор Живаго» роман об участии человека в Истории. Юрий Андреевич — художник, поэт, в его судьбе, по пастернаковскому свидетельству, отразились судьбы поэтов XX в. Почти все испытания, которые сулит «вакансия поэта» выпадают на долю Живаго. Соблазн активного действия, соблазн обезличивания, соблазн отречения от опасного дара.

Именно этот поворот, это новое отречение заставило Пастернака, на наш взгляд, в 1945—46 гг. обратиться к брюсовским штудиям и объяснить еще раз правильность выбора и необходимость разрыва. Красноречивое тому свидетельство наиболее существенная «идейная» записка, которую мы находим среди заметок Пастернака на полях брюсовского сборника. Она стносится к стихотворению «Все конечно». По записи этой Брюсов для Пастернака прежде всего личность «драматическая, историческая, историей поглощенная». Более того, он не просто личность, «а звено в традиции личностей в истории. Новая история общества в малом масштабе, на короткой дистанции и большой традиции личностей, идущей от пророков и Голгофы и порываемой христианством и культурой» (257). В этой характеристике Брюсова запечатлен образ художника добровольно идущего на жизнь в «страдательном залоге», наполненную таинственной темнотой Истории, в центре которой горит неугасимый огонь Христовой жертвы.

Именно с новых позиций своей биографии, выбранной линии жизни и творчества комментирует Б. Пастернак кумира своего поколения — В. Я. Брюсова.

Таким образом, среди заметок 1946 г. мы выделили ту принципиально важную, главную, которой освещается главное же в отношении «Пастернак-Брюсов», а именно — относящееся к пониманию этического выбора поэта и его соучастия в истории.

Помимо того Пастернаком оставлено на полях сборника немало заслуживающих внимания помет, набросков, среди которых, в частности, сугубо пастернаковские характеристики, формулы символизма, оценки брюсовской поэтики и стихотворной техники, целый ряд интереснейших сравнений, параллелей, проведенных между двумя крупнейшими и очень разными поэтическими индивидуальностями — Брю-

¹⁰ Письмо к Вяч. Иванову от 1 июля 1958 г. — В кн.: Борис Пастернак об искусстве, М., 1990, с. 350.

совым и Блоком. С некоторыми из этих записей я хотела бы ознакомить читателя.

Уже в предисловии А. Мясникова к разбираемому сборнику Пастернак подчеркивает те брюсовские слова о себе самом и символизме, которые мог бы сказать и он сам. «Идти к совершенству — значит озарять все новые дали нашего духа, увеличивая область души». «Сущность в произведениях искусства — это личность художника». «Символизм — не есть поэзия символов». (250).

Переходя к разбору собственно брюсовской поэзии, Б. Пастернак отмечает раннюю «преждевременную совершенную технику, как у лицеиста Пушкина», которой объясняет точность определений молодого Брюсова («Холод») (259).

Особенно интересуют Пастернака параллели и противопоставления Блока и Брюсова. Очень многие стихи, темы, способы выражения носят пометки «позднее—Блок», «будущий Блок», «сравни у Блока», «манера выражения Блока» или «прямо блоковское стихотворение» («Весна», «Песня Свена», «Тени ходят, ветер веет», «И ночи и дни примелькались» и др.). Но всегда Блок в спорах с Брюсовым выходит победителем. Пастернак замечает, что у Блока основа стиха импрессионистична, набросочна, недовершена. У Брюсова аналитична, теоретико-познавательна и потому пуста и бесплотна. Так, если «любовь» у Брюсова это «тема», то у Блока это—вихрь «созидательной силы, созидающей его характер, всю его поэтику» (255).

Он отмечает у Брюсова, как и у Сологуба и Вяч. Иванова, их «несвободную, неразговорную речь», в отличие от непредвзятости Блока». Продолжая эту тему, Пастернак указывает, что скованность системой умерщвляет всякое движение темы, догматическое выполнение теории символа» приводит Брюсова к фальшивому схематизму типа Балтрушайтиса («Тени», «Встреча после разлуки», «Моя мечта», «Туманные ночи», «Годы молчания», «Мы») (254).

Определяя прямое родство литературной линии Брюсова, Гумилева, Асеева, Тихонова, Пастернак отмечает характерное для нее «ощущение закономерности культуры, истину, мысль», при этом резко осуждает свойственную этим поэтам романтику искания, видя в этом источник и концентрат фальши: «Повелительное наклонение и какой-нибудь оперный реквизит» («В ночной полумгле», «На журчащей Годавери», «С кометы» и др.) (255).

Таковы основные положения заметок Б. Пастернака, написанных художником, для которого Брюсов продолжал оставаться Поэтом, Исторической личностью, центральной фигурой в литературе начала века, ибо при всей чужеродности дарования Борис Пастернак «иногда чувствует Брюсова в себе — это тогда, когда (он) чувствует над собой, за собой и в себе — поэта» (Из письма Брюсову 1922 года) (246).

S. b. ՕՐԴՈՒԽԱՆՅԱՆ — Վ. Բրյուսով և Բ. Պաստերնակ. Կարաբերությունների պատմություն. — Հոդվածում ի մի են բերված ու լուսարանված Բ. Պաստերնակի խորհրդածոթյունները Բրյուսովի մասին՝ որպես բանաստեղծական խոսքի վարպետի և ժամանակի գրական գործընթացի առաջնորդներից մեկի: Հեղինակը միաժամանակ համեմատության և հարաբերության մեջ է դնում երկու մեծ գրողների պատկերացումները ժողովրդի կյանքում արվեստագետի և բանաստեղծի պատմական առաքելության վերաբերյալ: